

Символизм, род недуга

На выставке в Русском музее зрители могут вволю насладиться лунными пейзажами, черепами и печальными женщинами

Николай Молок

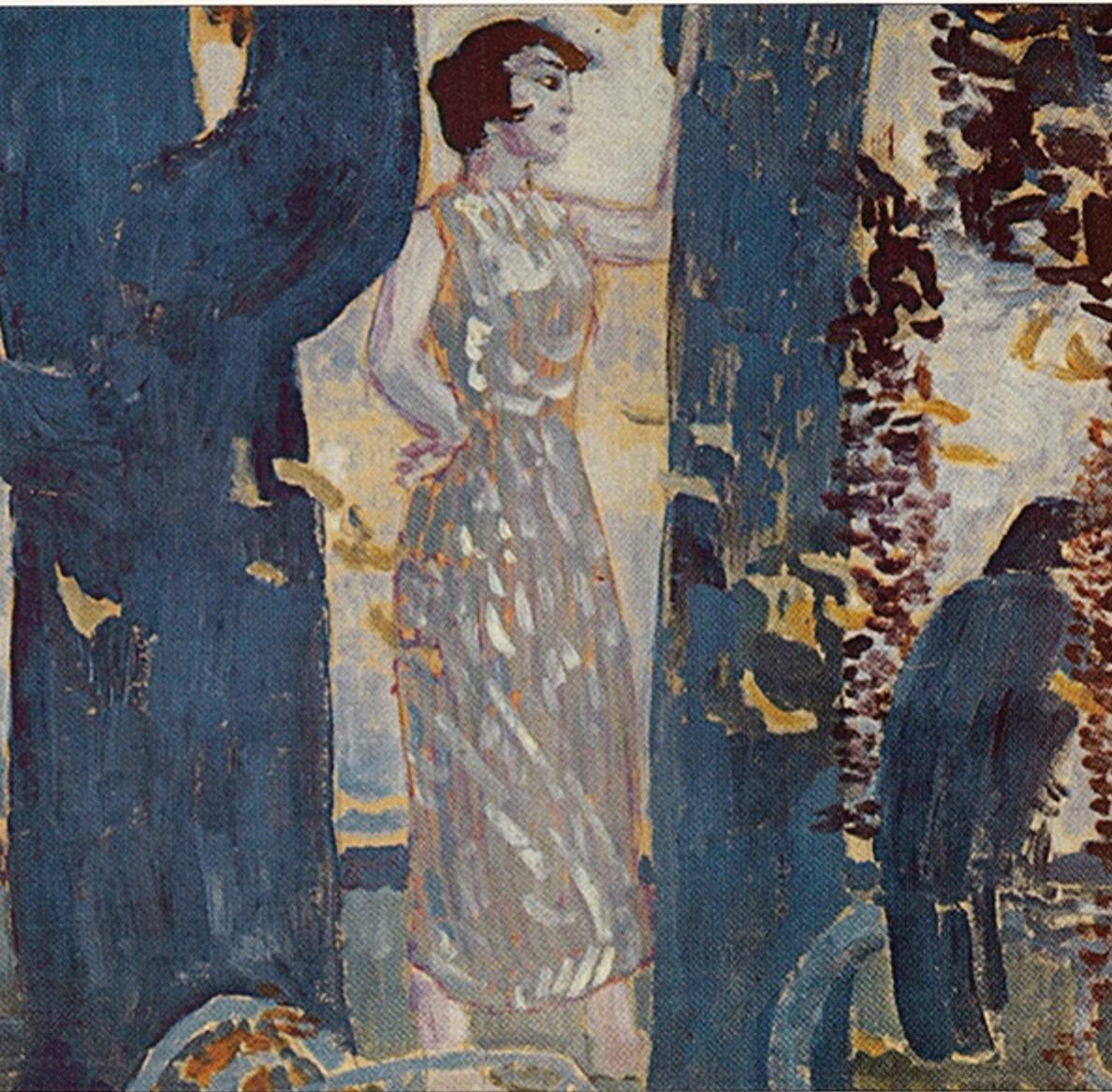
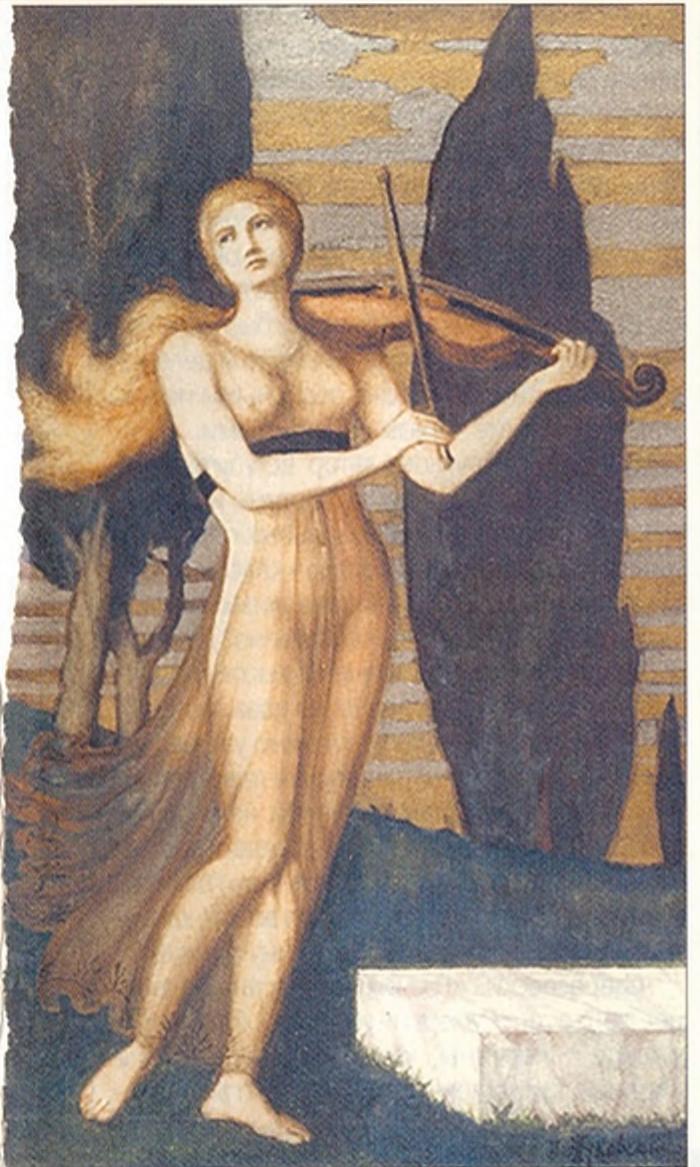
ПРОЕКТЫ

Выставка «Символизм в России» — третий из серии амбициозных проектов петербургского Русского музея, посвященных важным этапам развития отечественного искусства (две первые выставки, «Агитация за счастье» и «Романтизм в России»,

прошли в 1995 — 1996 годах, готовится и четвертая — «Русский классицизм»).

На выставке представлено 350 произведений живописи, графики, скульптуры и декоративно-прикладного искусства: от «Богоматери над телом Спасителя» Павла Жуковского (1876) до «Судьбы» Василия Чекрыгина (1922). Но большинство экспонатов относится все же к 1900-м годам.

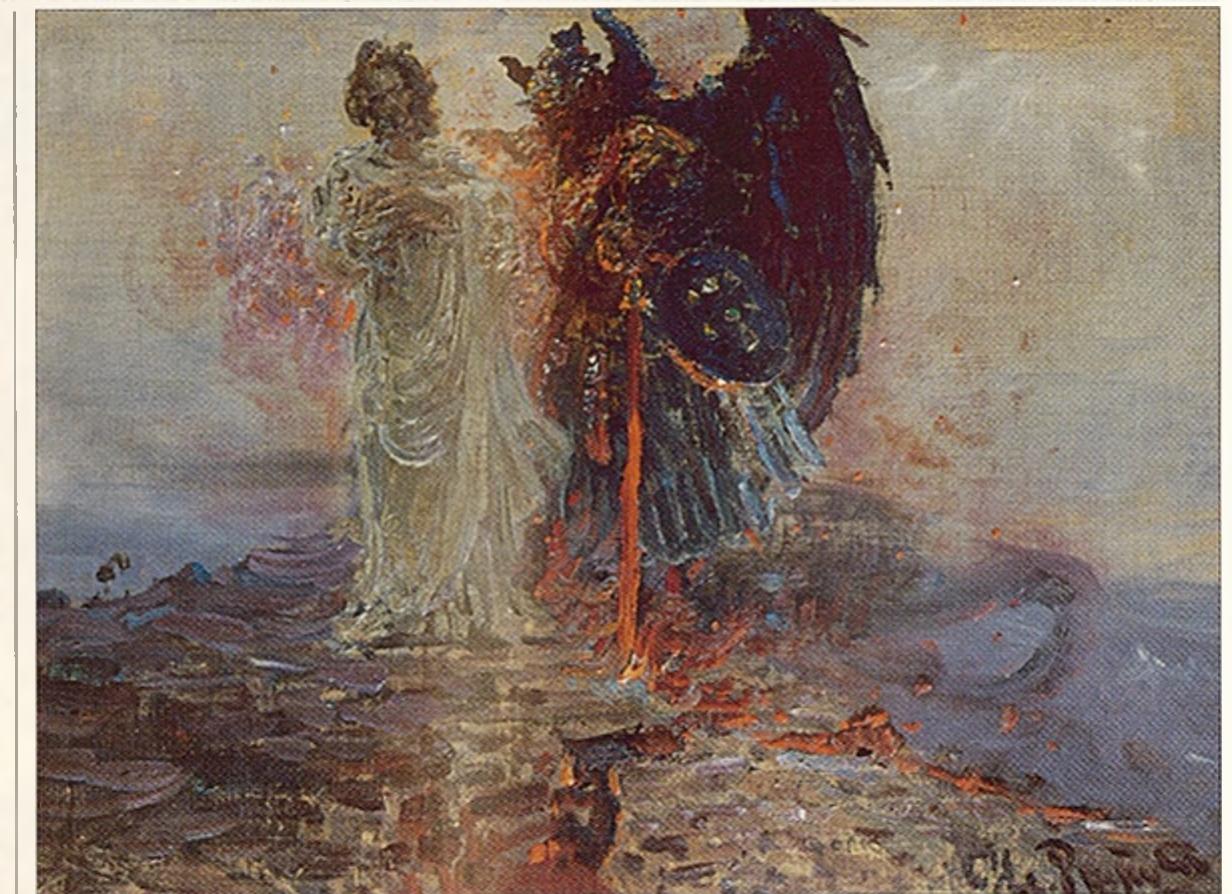
В отличие от двух предыдущих выставок, в экспозиции которых были включены романтические интерьеры с обоями в цветочек или советская танцплощадка с буфетом, устроители «Символизма» ограничились только развеской картин и рисунков. К выставке выпущен роскошный каталог-альбом в синем «символистском» переплете (в противоположность красным обложкам «Агитации» и «Романтизма»).

ПАВЕЛ ЖУКОВСКИЙ.
ПАМЯТИ БЕКЛИНА. НАЧАЛО 1900-Х

ВИКТОР ЗАМИРАЙЛО.
ОСЕНЬ. РАЗМЫШЛЕНИЕ. 1906

ИЛЬЯ РЕПИН.
ИДИ ЗА МНЮ, САТАНО. 1895 (?)

В новогоднюю ночь из Москвы исчез Врубель. Одиночно болтающиеся веревочки на стенах его зала в Третьяковской галерее стали первым в новом году фактом художественной жизни столицы. Оказывается, картины, висевшие на этих веревочках, отправлены в большое зарубежное турне.

А чтобы посмотреть на Врубеля и его современников, стоит съездить в Петербург, где в корпусе Бенуа Русского музея открыта выставка «Символизм в России». Безусловное достоинство этой выставки в том, что на ней показаны работы, извлеченные из огромных запасников Русского музея. Основной объем экспозиции составляют не самые известные произ-

СЕРГЕЙ ЧЕХОНИН. ВОЛЧОНОК. 1913

МИКАЛОЮС ЧЮРЛЕНІС. ЖЕРТВА. 1900

искать в каталоге? Но в каталоге принадлежность того или иного произведения к символизму определяется не искусствопониманием художников, а вторичным с точки зрения изобразительного искусства признаком — литературными сюжетами, в которых можно усмотреть хоть малейший намек на символизм: все же демоны, спящие юноши, роковые женщины, религиозные сцены, фантастические пейзажи. Тематический принцип былложен и в основу развески выставки, но то и дело нарушался — сны путаются с реальными пейзажами, а женские образы — с демонами.

Владимир Круглов, автор вступительной статьи к каталогу, описывает картины исключительно с помощью эмоциональных определений. Врубель именуется здесь «классическим символистом, сделавшим символизм образом своей жизни». А почему, собственно? Да потому, что его картины «отмечены высоким горением духа». Это несомненно, но едва ли проясняет суть дела. Из каталога можно узнать, что картина Саврасова «Грачи прилетели» (поздний вариант) «чертами хрупкой нежности и своеобразной стилизации» предвосхищает символизм. Не терпится добавить, что грачи потенциально тяготеют к воронам, а ворон, как известно, птица зловещая (см. картину Рериха).

Саврасовских «Грачей» на выставке все же нет, зато есть «Сумерки» и «Закат» Архипа Куинджи — картины, конечно, эффектные и «полные таинственности» (сказано в каталоге), но именно реалистичные, даже натурали-

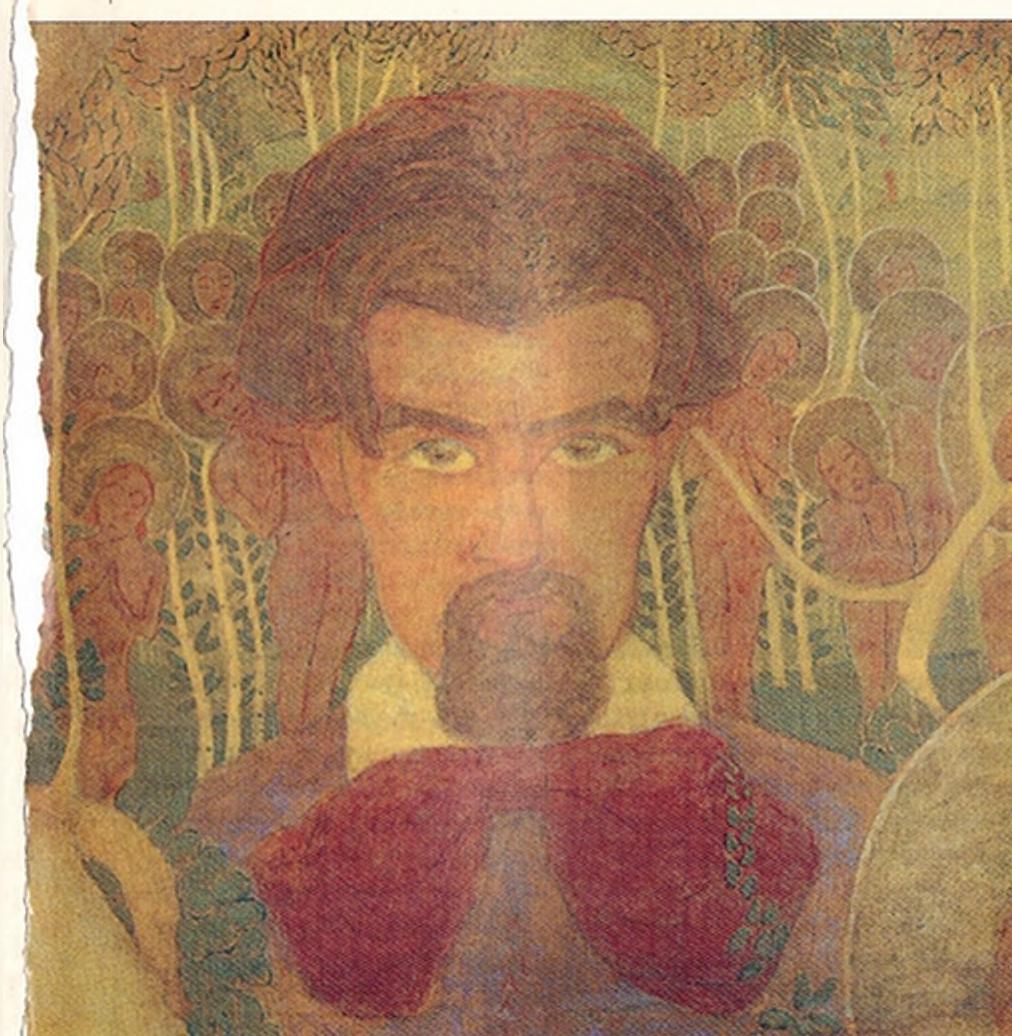
...

напряженных поисков ответа на вопрос, что же такое символизм в русской живописи.

Как ни странно, авторами выставки этот вопрос вообще поставлен не был. Посчитав свою выставку «первой монографической экспозицией» на данную тему (а ведь лет пять назад выставка под точно таким названием прошла в Фонде культуры в Москве), они просто решили показать «весь символизм», многогранный и разнообразный, очень неровный по качеству и не имевший, как сказано в каталоге, «единого стилистического потока». Вот и повесили рядом с изысканной живописью Артура Фонвизина салонные, с оттенком дурного вкуса картины Николая Калмакова, кстати, едва ли не самого популярного художника того времени. Разных художников объединяют на выставке одни и те же темы, а порой одни и те же названия (например, «Сон» Петрова-Водкина, Святослава Войнова и Петра Уткина). Оказывается, и у символизма были свои клише. И символизм можно было тиражировать.

Показать всё значит показать всех. Надо думать, авторы выставки избрали себе девизом известные слова Блока: «Искусства вне символизма в наши дни не существует. Символист есть синоним художника». Так попали на выставку не только «большие» и «малые» символисты, но вообще все художники, которые жили и работали на рубеже веков и чьи произведения нашлись в закромах Русского музея. Все свалили в одну кучу, получилась обширная выставка старых поступлений.

Не совсем понятно только ее название — почему символизм? С равным успехом ее можно было бы озаглавить «Модерн в России», или «Искусство серебряного века», или как-нибудь еще. быть может, разгадку следует

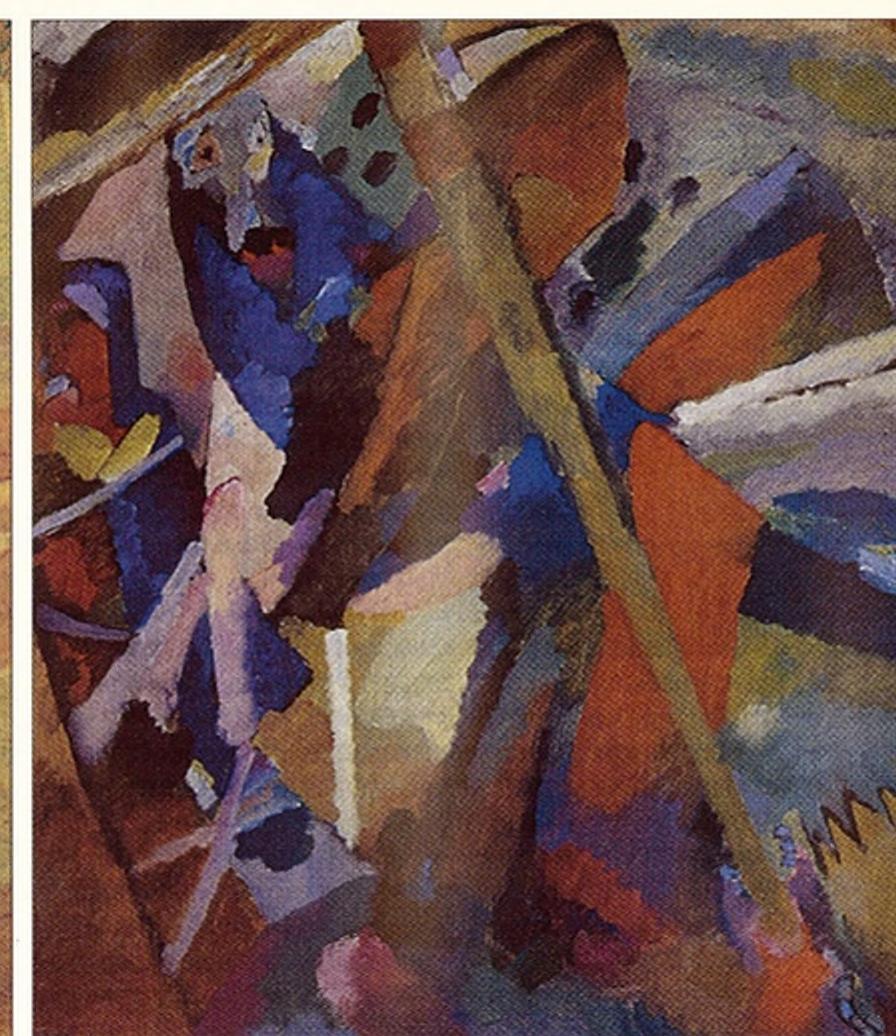
КАЗИМИР МАЛЕВИЧ. АВТОПОРТРЕТ. 1907
ВАСИЛИЙ КАНДИНСКИЙ. СВЯТОЙ ГЕОРГИЙ. 1911

стичные, а вовсе не символистские. Общеизвестный факт, что Куинджи учились многие символисты (в частности, все тот же Рерих), еще не обеспечивает ему места на выставке.

В символисты записаны и Репин с Левитаном, и Филонов с Шагалом. Основание тому — их «предрасположенность» к символизму. Видимо, символизм представляется авторам выставки некой заразной болезнью, которой раньше или позже переболели все русские художники рубежа веков. Репина, например, к символизму «подвела нервная возбудимость и впечатлительная пылкость натуры» (опять цитирую каталог). Филонов, Кандинский и Кульбин символисты потому, что они — «художники-вишонеры, провозвестники ими лично увиденного». Ранние произведения Малевича «густо замешаны на фольклоре». Тоже символизм. Картина Шагала «Зеркало» (кстати, по ошибке воспроизведенная в каталоге именно зеркально) «пронизана метафоричностью». Опять символизм. В «Синем гребне» Кандинского художник «мыслит космическими масштабами». Символизм.

А вот пепельница в виде головы то ли демона, то ли ангела. Чем не символизм? Или диван, на котором, наверное, любил сиживать какой-нибудь символист, погрузившись в свои символические думы. Но ведь зритель-то не присядет и не ощутит всей символической мягкости диванных подушек. Вообще присутствие на выставке предметов декоративного искусства и мебели представляется по меньшей мере спорным: ведь символизм вроде бы тяготился реальностью и бытом. Если пепельницы и диваны символичны, то что тогда символизмом не является?

Всем этим казусам можно найти вполне

выставке и оказалось так много «русского стиля». Для пущего подтверждения самобытности русского символизма на пригласительном билете (и в каталоге) картина Павла Жуковского воспроизведена лишь фрагментарно: немаловажная часть произведения — надпись «Памяти Беклина» — срезана.

Между тем само применение термина «символизм» к изобразительному искусству уязвимо. Русские художники в отличие от позотов никогда не называли себя символистами и не писали символистских манифестов. Современное искусствоведение вывело абсолютно точную формулу: «Модерн это стиль, а символизм — эстетическая концепция». Символизм в русской живописи, определение его хронологических границ действительно требуют серьезного разговора. Однако выставка в Русском музее такого разговора не предполагает. О символистской живописи едва ли можно говорить без учета символистского опыта смежных искусств — литературы, архитектуры, театра. А они на выставке вообще не представлены, даже в портретах: таких, например, как знаменитый альмановский портрет Анны Ахматовой, который, кстати, хранится в собрании Русского музея. Зато доверчивые зрители, давно привыкшие к разного рода сонникам, гороскопам и гаданиям, могут вволю наслаждаться лунными пейзажами, черепами и печальными женщинами. Не зря рецензент петербургской газеты «Смена» написал, что выставка получилась «очень душевная».

И все же хорошо бы «Символизм» приехал в Москву. Тем более что в Третьяковке есть свободные веревочки.

Санкт-Петербург